

Ницше Фридрих

Собрание сочинений

Том 7. Веселая наука

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Собрание сочинений: Том 7. Веселая наука / Ницше Фридрих – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 336 с.

ISBN 978-5-519-99892-5

ISBN 978-5-519-99892-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Предисловіе ко второму нѣмецкому изданію.

1.

Можно было бы дать здѣсь не одно, а нѣсколько предисловій; но я сомнѣваюсь, чтобы путемъ предисловій мы достигли чего-нибудь существеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, мы вѣдь все-таки будемъ не въ силахъ при помощи ихъ приблизить къ пережитому надъ вопросами, выдвинутыми въ этой книгѣ того, кто никогда не переживалъ ничего подобнаго. Она вся какъ бы написана на языкѣ теплаго вѣтерка: что-то зазорное, безпокойное, противорѣчивое, непостоянное слышится въ ней; каждому здѣсь одинаково чутся и близость зимы, и побѣда надъ этой зимой, которая идетъ, должна прійти и, быть можетъ, уже наступила..... Благодарность вырывается непрерывно, какъ будто-бы случилось что-то крайне неожиданное, и это — благодарность человѣка выздоравливающаго, ибо неожиданностью-то и было выздоровленіе. „Веселая Наука“, названіе это, указываетъ на сатурналии духа, который долгое время терпѣливо выдерживалъ на себѣ страшный гнетъ—терпѣливо, сурово и холодно, не покоряясь ему, но и не питая надежды отъ него освободиться; и вотъ сразу осынила его надежда на выздоровленіе, да и самое упоеніе здоровьемъ. И тутъ-то вотъ—къ нашему удивленію—въ надлежащемъ освѣщеніи выступаетъ много такого, что было неразумнаго и прямо-таки глупаго, умышлен-

но расточается много нѣжности на вопросы колючіе, которые обыкновенно не вызываютъ къ себѣ теплаго, внимательнаго отношенія. Вся книга эта сплошь представляетъ изъ себя праздникъ послѣ продолжительнаго періода всякаго рода лишеній и безсилія; является ликованіемъ возвращающейся силы, вновь пробудившейся вѣры въ завтра и послѣ завтра, внезапнаго чувства и предчувствія будущаго, близкой удачи, моря, вновь очистившаго свою поверхность ото льда, цѣлей, которыя было позволено поставить снова и которыя снова возбудили къ себѣ довѣріе. А что осталось сзади меня! Пустота, изнуреніе, невѣріе въ юности; старость не во время; тиранія физическаго страданія, которое уступило мѣсто тираніи гордости, отрицавшей всѣ выводы, сдѣланные подъ вліяніемъ страданія—а вѣдь выводы эти были утѣшеніемъ;—полное одиночество, какъ личная оборона противъ челоуѣконенавистничества, ставшаго до болѣзненности ясновидящимъ; принципиальное ограниченіе себя въ области знанія тѣмъ, что есть въ немъ горькаго, тяжкаго, болѣзненнаго, какъ это предписывало отвращеніе, которое разраслось постепенно подъ вліяніемъ неразумной духовной діеты и потворства,—извѣстныхъ подъ именемъ романтизма,—о, кто бы могъ, подобно мнѣ, прочувствовать все это! Да, тотъ простилъ бы мнѣ не только мою безумную, распущенную „веселую науку“, онъ простилъ бы мнѣ и ту горстку пѣсней, которую я прибавилъ на этотъ разъ къ своей книгѣ—пѣсней, въ которыхъ поэтъ почти непростительнымъ образомъ издѣвается надъ всѣми поэтами. Но увы! не на однихъ поэтовъ и ихъ прекрасныя „лирическія настроенія“, долженъ излить свою злобу этотъ вновь воскресшій челоуѣкъ: кто знаетъ, какой жертвы онъ ищетъ, какое чудовище пародіи прельститъ его въ ближайшемъ будущемъ? „*Incipit tragoedia*“—вотъ то заключеніе, которое звучитъ въ концѣ этой рискованной, но неопровержимой книги (*dieses bedenklichunbedenklichen Buchs*): берегись! Возвѣщаетъ

ся что-то изумительно скверное и злое, и нѣтъ сомнѣнія, что *incipit parodia*.

2.

— Но оставимъ г. Ницше въ покоѣ: что намъ за дѣло, что онъ, г. Ницше, снова сталъ здоровымъ?.. У психолога немного еще столь интересныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о соотношеніи между здоровьемъ и философіей; вотъ почему даже къ своей собственной болѣзни онъ присматривается съ чисто-научнымъ любопытствомъ. Личность и философію ея связываютъ обыкновенно неразрывно, но не надо забывать тѣхъ различій, которыя обыкновенно здѣсь наблюдаются. У одного философія слагается подъ давленіемъ его нужды, у другого—подъ вліяніемъ его богатства и силы. Первый чувствуетъ извѣстную потребность имѣть свою собственную философію, какъ точку опоры, какъ средство, которое дастъ ему возможность успокоиться, излѣчиться, освободиться, возвыситься, уйти отъ самого себя; у второго она является роскошью, въ лучшемъ случаѣ сладострастьемъ торжествующей признательности, которая въ концѣ концовъ должна быть начертана громадными космическими буквами на небесахъ идеи. Но каково же будетъ творчество той мысли, которая находится подъ гнетомъ болѣзни?—а вѣдь именно чаще и бываетъ такъ, что та или другая философская система опредѣляется состояніемъ крайней необходимости. Именно это мы и наблюдаемъ у больныхъ мыслителей, каковыя въ исторіи философій представляютъ изъ себя, быть можетъ, подавляющее большинство. Психологамъ приходится сталкиваться съ этимъ вопросомъ, и онъ, надо замѣтить, не выходитъ изъ сферы экспериментальной психологіи.

Представьте себѣ путника, который, внушивъ себѣ проснуться къ опредѣленному часу, спокойно отдается сну: такъ же и мы, философы, отдаемся на время душою и тѣломъ болѣзни, какъ только допустимъ, что

мы начинаемъ заболѣвать,—и равнодушно закрываемъ глаза на все, что находится пересѣ нами. И какъ путникъ знаетъ, что нѣчто не спитъ, а отсчитываетъ часы и разбудить его, такъ и мы увѣрены, что рѣшительный моментъ найдетъ насъ бодрствующими, что нѣчто тогда выдвинется впередъ и застанетъ нашъ духъ на работѣ, будетъ ли то слабость, регрессъ, покорность, ожесточеніе, помраченіе или какъ еще тамъ иначе называются всѣ тѣ болѣзненные состоянія духа, противъ которыхъ въ моменты здоровья выступаетъ гордость (вѣдь и въ старинныхъ нѣмецкихъ стихахъ пѣвали: „самыми гордыми существами на землѣ будутъ гордый духъ, павлинь да конь“). И послѣ такого самовопрошанія, самоиспытанія, человѣкъ глубже проникаетъ во все, что до сихъ поръ входило въ область его философскаго мышленія; онъ лучше, чѣмъ это было раньше, угадываетъ всѣ произвольныя отклоненія. закоулки, остановки и солнечныя мѣста мысли, куда страдающій мыслитель попадалъ просто, какъ страдающая личность; онъ теперь уже знаетъ, куда больное тѣло и его потребности гонять, толкаютъ, заманиваютъ его духъ,—на солнце, къ покою, кротости, терпѣнію, излѣченію, утѣхѣ въ какомъ бы то ни было смыслѣ этого слова. Всякая философія, которая миръ ставитъ выше войны; всякая этика со своими отрицательными опредѣленіями понятія о счастіи; всякая метафизика и физика, которымъ извѣстны финаль, конечное состояніе чего-бы то ни было; всякое сильное эстетическое или религіозное стремленіе къ чему-то постороннему, лежащему по ту сторону, внѣ, свѣше—даетъ намъ право задать вопросъ, не было ли болѣзненнымъ состояніемъ все то, что вдохновляло философа. Безсознательное замаскированіе фізіологическихъ потребностей, которыя у насъ прячутся подъ покровомъ Объективнаго, Идеальнаго, Чисто-духовнаго, доходитъ до крайнихъ предѣловъ,—и я часто задавалъ себѣ вопросъ, не представляла-ли, говоря вообще, вся философія до настоящаго времени

просто изъясненіе и непониманіе потребностей тѣла. За самыми цѣнными изъ тѣхъ сужденій, которыя намѣчаютъ ходъ исторіи мысли, кроется непониманіе физическихъ свойствъ нашего тѣла, по отношенію ли къ индивиду, сословію или даже цѣлой расѣ. И всѣ эти смѣлыя, безумныя выходки метафизики, а въ особенности всѣ ея отвѣты на вопросъ о цѣнности бытія, слѣдовало бы считать симптомомъ извѣстныхъ тѣлесныхъ состояній; и если всѣ эти положительные и отрицательныя сужденія о мірѣ съ научной точки зрѣнія и не имѣютъ никакого значенія, то во всякомъ случаѣ для историка и психолога они являются весьма цѣнными намеками, какъ сказано, въ качествѣ симптома, указывающаго на удачи и неудачи нашего тѣла, на тѣ избытки, силу, самовластіе, которыя ему въ исторіи выпадаютъ на долю, или же на тѣ препятствія, утомленіе и оскудѣніе, которыя гнетутъ его, на предчувствіе близкаго конца и истощеніе воли.

Я всегда ждалъ, что тотъ истинный врачеватель— философъ, который найдетъ радикальное средство для всѣхъ народовъ, временъ, расъ, для всего человѣчества, —будетъ имѣть достаточно мужества, чтобы выставить мое подозрѣніе всѣмъ на видъ и отважиться провозгласить такое положеніе: во всѣхъ философскихъ системахъ въ настоящее время рѣчь идетъ не объ „истинѣ“, а о чемъ-то совершенно иномъ, напр., о здоровьѣ, будущности, ростѣ, силѣ, жизни...

3.

Вы уже догадываетесь, что я не могъ быть благодарнымъ къ тому тяжелому періоду хилости, всѣ преимущества котораго и понынѣ еще не вполне мною исчерпаны; я не могъ чувствовать къ нему неблагодарности, когда достаточно ясно созналъ, какое преимущество представляетъ мое обильное всякими перемѣнами здоровье передъ людьми, обладающими дюжимъ

духомъ. Философъ, который былъ много разъ здоровымъ и выздоравливаетъ все снова и снова, прошелъ въ то же время столько же и философскихъ системъ; онъ только придаетъ каждый разъ своему состоянію извѣстную духовную форму и отдаляется отъ него на извѣстное духовное разстояніе. Вотъ искусство такой трансфигураціи и есть именно философія. И мы философы, далеко не такъ свободно отдѣляемъ душу отъ тѣла, какъ дѣлаетъ это толпа, но еще меньше остается намъ свободы, когда намъ приходится отдѣлять душу отъ духа. Вѣдь мы не лягушекъ размышляющихъ представляемъ изъ себя; вѣдь мы являемся не какимъ нибудь аппаратомъ съ холодными внутренностями, который объективно регистрируетъ окружающія его явленія. Вѣдь мы навсегда обречены изъ глубины страданія производить на свѣтъ свои мысли и съ материнскою заботливостью отдавать имъ всю свою кровь, сердце, огонь, страсть, страданіе, совѣсть, судьбу. Жить для насъ значитъ превращать въ свѣтъ и пламя все, чѣмъ мы обладаемъ; такой же участи мы подвергаемъ и то, что намъ встрѣчается на пути. И вотъ относительно болѣзни мнѣ сильно хочется задать вопросъ: да развѣ, говоря вообще, она будетъ излишней? Вѣдь только сильная боль является послѣдней освободительницей духа, ибо только она одна умѣетъ дать то великое истолкованіе, которое изъ каждаго U дѣлаетъ X, настоящій, правильный X, предпослѣднюю букву алфавита.

...Только великая боль, та затяжная боль, во время которой мы сгораемъ, какъ на кострѣ, заставляетъ насъ, философовъ, спуститься на самую глубину и отстранить отъ себя всякое довѣріе, всякое добродушіе, снять всякое покрывало, отказаться отъ всякой снисходительности, отъ всего срединнаго, — однимъ словомъ ото всего, въ чемъ раньше мы, быть можетъ, полагали все наше человѣческое достоинство. Я сомнѣваюсь, чтобы такая боль дѣлала человѣка лучшимъ, чѣмъ онъ былъ прежде; — но я знаю, что она дѣлаетъ

его болѣе глубокимъ. Научимся ли мы противопоставлять ей нашу гордость, наше издѣвательство, всю силу нашей воли и будемъ похожи на индѣйца, который при самыхъ страшныхъ мученіяхъ отвѣчаетъ своему мучителю злобными выходками; или же передъ лицомъ этого страданія обратимся къ тому небытію Востока— Нирванѣ,—къ той нѣмой, неподвижной глухой покорности, самозабвенію, саморастворенію:—все равно изъ такого продолжительнаго и опаснаго господства надъ самимъ собою выходишь совершенно новымъ человекомъ, у котораго нѣсколько лишнихъ вопросительныхъ знаковъ, который стремится глубже, строже, упорнѣе, злѣе и спокойнѣе ставить вопросы, чѣмъ это дѣлалось раньше. Въ томъ и заключается довѣріе къ жизни, что сама жизнь стала проблемой.—И нельзя повѣрить, чтобы человекъ при этомъ неизбѣжно становился унылымъ и мрачнымъ! Вѣдь возможна еще даже любовь къ жизни, но только любите вы эту жизнь теперь по иному. Вы любите ее такъ, какъ любите женщину, возбуждающую у васъ къ себѣ подозрѣніе... Но та прелесть, которую представляютъ всѣ эти проблемы, та радость, которую открываютъ всѣ эти Х, слишкомъ велика у такихъ одухотворенныхъ и воодушевленныхъ людей, и это радостное настроеніе яркимъ пламенемъ поднимается постоянно надъ всѣми требованіями, которыя поставлены проблемами, надъ всѣми опасностями, которыя выдвигаются необезпеченностью положенія, даже надъ тою ревностью, которую ощущаетъ въ себѣ любовникъ. Мы познаемъ тогда новое счастье.

4.

Не забудемъ однако указать на самое существенное: изъ этого оута, изъ этого тяжкаго состоянія хилости и дряблости, изъ этого тяжкаго и болѣзненнаго подозрѣнія человекъ выходитъ перерожденнымъ: съ него теперь какъ бы снята кожа, онъ становится

воспріимчивѣе ко всякому соприкосновенію и злѣе, къ чувству радости онъ проявляетъ болѣе тонкій вкусъ, языкъ его сдѣлался нѣжнѣе для всего хорошаго, въ своей радости онъ пріобрѣтаетъ вторую еще болѣе опасную невинность,—однимъ словомъ онъ сталъ въ одно и то же время и наивнѣе, и въ сто разъ хитрѣе, чѣмъ былъ когда-бы то ни было раньше. И какъ противны становятся ему тѣ грубыя, бездушныя, сѣренькія наслажденія нашихъ лѣнующихъ „образованныхъ“, богатыхъ и командующихъ классовъ. Съ какою злостью прислушиваемся мы теперь къ той громадной ярмарочной суетѣ, среди которой „образованный“ человекъ и крупныя городскія центры настоящаго времени позволяютъ принуждать себя къ „духовнымъ“ наслажденіямъ при помощи произведеній искусства, книгъ и музыки и при благосклонномъ содѣйствіи спиртныхъ напитковъ! Какъ болѣзненно дѣйствуютъ на нашъ слухъ эти театральныя выкрики страданія; сколь чуждой становится нашему чувству вся эта романтическая суматоха и путаница чувствъ, которую такъ любитъ образованная чернь, когда втягиваетъ въ себя возвышенное, приподнятое, напыщенное! Иѣтъ, если намъ и въ здоровомъ состояніи нужно какое нибудь искусство, то это будетъ уже совершенно иное искусство—это будетъ насмѣшливое, легкое, подвижное, божественно спокойное, божественно изящное искусство, которое яркимъ пламенемъ запыхаетъ на прояснившемся небѣ! Искусство прежде всего для служителей его и только для его служителей! А затѣмъ мы даже лучше художниковъ знаемъ, что для этого необходимо радостное чувство, радостное чувство во всемъ. И, какъ художникъ, я хотѣлъ бы доказать это. Есть вещи, которыя мы, люди разумѣющіе, слишкомъ хорошо знаемъ: о, еслибы мы научились теперь, подобно служителямъ искусства, забывать и ничего не вѣдать! И въ будущемъ вы едва ли снова встрѣтите насъ на пути тѣхъ египетскихъ юношей, которые ночью нарушаютъ въ храмѣ его торжественную и

таинственную обстановку: обнимают статуи, раскрывают, обнажают и выставляют на свѣтъ все, что съ полнымъ основаніемъ было скрыто. Нѣтъ, у насъ отбило охоту къ такимъ приѣмамъ, мы знаемъ, что это дурной вкусъ, мы не хотимъ гнаться во что бы то ни стало за истиной, у насъ ужъ нѣтъ такого юношескаго легкомыслія въ любви къ истинѣ: для этого мы уже слишкомъ опытны, слишкомъ серьезны, слишкомъ радостны, слишкомъ глубоки и слишкомъ часто для этого мы обжигались... Мы уже болѣе не вѣримъ, чтобы истина, всетаки оставалась истиной даже послѣ того, какъ мы снимемъ съ нея покрывало; мы достаточно прожили, чтобы вѣрить въ это. Теперь уже въ силу приличія мы не стремимся видѣть все обнаженнымъ, непременно всюду присутствовать, все понимать и „знать“. Иногда лучше съ уваженіемъ относиться къ той стыдливости, съ которой природа прячется за загадками и пестрой неизвѣстностью. Быть можетъ, истина и есть та женщина, которая не безъ причины не показываетъ своихъ основаній. Уже не Ваубо ли имя ея по-гречески?.. О, Греки эти! Они умѣли жить: для этого надо было храбро оставаться на поверхности, въ изгибахъ, на самомъ верху, боготворить міръ, призраковъ, вѣрить въ формы, тоны, въ слова, въ цѣлый Олимпъ призраковъ! Греки эти, не смотря на всю свою глубину, были людьми поверхностными. А развѣ не къ тому же приходимъ мы, смѣльчаки, которые отважно взобрались на самыя высокія и на самыя опасныя вершины современной мысли и, оглянувшись вокругъ себя, посмотрѣли внизъ? Развѣ мы въ этомъ отношеніи не тѣ же Греки? Не тѣ же поклонники формы, топовъ и слова? а потому и не тѣ же служители искусства?

Рута возлѣ Генуи, осень 1886 г.

